

Магазинчик назывался бесхитростно: «Разливное пиво». И был закрыт. Жара плавил древний город, загоняла жителей под кондиционеры и требовала жидкости. Много жидкости. Несладкой, терпкой, которую можно пить и пить. Короче, требовала пива.

А магазин был закрыт... Вот зараза!

Пришлось идти в ближайший супермаркет, покупать что-то из холодильника, не слишком вкусное, не слишком интересное.

Ладно, и на том спасибо...

Хуже жары мозг съедала мысль о предстоящем увольнении. Она испортила весь отпуск, приходила ночами, вгрызалась пираньей и рвала на части серое вещество. Пятнадцать лет... Пятнадцать лет положено на освоение журналистских премудростей. Больше нет сил, а еще больше – нет желания ощущать себя бизнесвумен, вариться в едком котле «актуальных новостей», соответствовать, оправдывать чье-то доверие, приспособливаться к новым требованиям и очередным кризисам. Надоело понимать, входить в положение, подходить индивидуально. Выходные не приносили облегчения, а с воскресенья на понедельник Ланка вообще перестала спать в предчувствии новых сюрпризов от новой недели.

Все. В отпуск – и увольняться. Гори оно синим пламенем... Но даже теперь, когда главное решение было принято, покой не приходил.

«И что дальше? Куда теперь? На что я годна? Что я еще умею делать?» – простые вопросы превращаются в открытые математические проблемы, когда тебе без трех минут пятьдесят. Вслух отшучивалась:

– Могу копать, могу не копать.

А внутри все сжималось до состояния той маленькой девочки, которая никак не могла решиться поднять взгляд и посмотреть в завтрашний день, ибо ничего хорошего он не сулил.

Она рванула сюда, под покровительство Рюрика и старшего Ярослава, за утешением к святой Софии, то ли убегая от себя самой, то ли возвращаясь к себе.

Что влекло ее в древний город? Названия, будоражившие душу еще в студенческую бытность их веселого курса истфака: Людогоща улица, Неревский раскоп, храм Спаса на Нередице. Ломкий хруст бересты: «От Никиты к Ульянице. Иди за меня замуж. Я тебя хочу, а ты меня. А на то свидетель Игнат Моисеев»... Книга Алексея Югова «Ратоборцы», которую читали всем потоком, потом с друзьями, потом — с подростками детьми... Или неизвестно где расположенная могила отца, умершего здесь, в Новгороде, накануне Ланкиного первого дня рождения.

Ох, как Ланка мечтала об отце... Года в четыре она наладилась ходить в продуктовый ларек, к добрейшей тете Асе. Приходила, вставала на цыпочки, чтобы видеть в окошечке круглое улыбочливое лицо, и вопрошала:

— Здравствуй, тетя Ася! Привоз был?

— Был, Ланушка, был. А тебе чего? — ответ был известен уже, но правила игры нарушать не полагалось.

— Папку не привезли вам?

— Нет, милая, сегодня не было. Может, завтра привезут, ты приходи...

— Ладно! — кивала кудрявой головой незадачливая покупательница. — Я завтра приду. Дайте тогда «петушок».

Протягивала пятак, получала две копейки сдачи и удалялась, раздумчиво облизывая прозрачный леденец.

Кто пошутил над девчонкой, рассказав, что папу можно купить в ларьке, теперь уж не дознаться. Но она исправно ходила на другой конец улицы до тех пор, пока подвыпивший сосед дядя Миша Теплов не просветил ее, объяснив, что папку купить нельзя, его мамка должна домой привести.

Мама на предложение «привести папку» сначала вытаращила глаза, потом расплакалась, что-то говорила про бабушку, которая «испортила ей жизнь и сгубила молодость», потом схватила за сердце, потом приезжал фельдшер дядя Дима, колот маме укол, а бабушка сидела строгая, поджав губы и время от времени хмыкала. Ланка смотрела на все это в щелку из шифоньера, куда пряталась от всех домашних невзгод, и решала про себя, что история с папкой непонятная и, видимо, какая-то плохая, раз все так расстроилось. Пожалуй, не надо больше про это разговаривать. Придется как-нибудь без папки жить...

Классе в восьмом она возобновит свои поиски, найдет сестру отца, напишет ей — сюда, в Новгород. Они даже встретятся. Та привезет ей старую фотокарточку, и Ланка впервые увидит того, с которым «капелька канула» — так говорила тетка, подчеркивая их внешнее сходство. Общение получится тягостным, никому не нужным и быстро сойдет на нет. А название останется... Новгород...

Город казался бесконечно далеким, почти на другом конце земли. И когда Ланка с семьей впервые сюда приехала, все не могла отделаться от ощущения нереальности. Торговая сторона, Софийская, Ярославово дворище, Рюриково городище, Троицкая улица. Словно она вернулась домой, к знакомому, слегка только забытому прошлому.

Аркаду Гостиного двора местные звали «Санта-Барбарой». За сходство с заставкой почти бесконечной мильной оперы конца прошлого века. И Ланка вспомнила анекдот из тех же 90-х годов:

— Хочу уехать за границу и жить в Санта-Барбаре.

– А почему в Санта-Барбаре?

– Ну, я там всех знаю.

Вот так и она в Новгороде – пусть не всех, но почти всё знала. С тех пор в самые трудные моменты жизни она сбегала сюда: укрыться за мощными стенами детинца, слушать голоса уцелевших колоколов и бродить по улочкам, стоять на горбатом мостике и смотреть на густую, напоминающую какао без молока, воду.

Ну вот только 30 градусов – очевидно многовато... Даже дышать трудно, не то что передвигаться. Муж и дочка все настойчивее намекали на необходимость посещения местных музеев, желательно тех, где хорошая система кондиционирования. И покупки на вечер большого количества прохладительных напитков.

На следующий день жара спала. Можно было гулять по новенькой набережной вдоль Волхова, любоваться на храм Александра Невского, слушать, как ведут спор серьезные новгородские чайки, собравшие свое вече на отмели. А вечером путь в гостиницу лежал через тот злополучный магазин разливного пива.

Который оказался открытым. И еще раз – вот зараза... Надо зайти. Хотя бы для восстановления вселенской справедливости.

Все как везде. Стойка, краны, прилавочек со снеками. Прямо напротив входа слегка неожиданная для подобного заведения надпись: «Без мата». Категоричная такая, крупными буквами – чтобы точно все увидели. За небольшим столиком элегантная пара – мужчина и женщина средних лет – играли в нарды, негромко переговаривались. На вошедших внимания не обратили. В магазинчике пахло прохладой и хмелевой горчинкой.

Из-за стойки поднялась полноватая женщина лет шестидесяти пяти:

– Здравствуйте!

Посетители неспешно читали надписи.

– А что местное, нефильТРованное и свежее? – задали традиционный для таких случаев вопрос.

– Везут! – как-то неожиданно оптимистично воскликнула продавщица. И радостно принялась развивать свою мысль. – Так, я ему звонила в 19.12, сейчас 19.46... С учетом пробок – минут через двадцать приедет, следовательно. Новгородское привезет, наше, плотное, очень вкусное.

Спешить, собственно, было некуда. А продавщица уже расхваливала местные медовые напитки и даже лимонад на каких-то невероятных травах.

– Давайте поужинаем и вернемся, – предложил глава семейства. И, поскольку для отпускников семь верст никогда не считались за крюк, на том и порешили.

– А вы до какого часа работаете? – решили уточнить на всякий случай.

– Да я долго здесь, – как-то просто, по-домашнему ответила женщина. – Официально до десяти, а на самом деле позже закрываю. Ко мне еще мои завсегдагаи придут, захотят посидеть. – Так и сказала: «завсегдагаи» – с академическим ударением на втором «а». Ланка с дочкой переглянулись. – У нас здесь своеобразный клуб по интересам. Вы приходите! Я буду вас ждать!

После этого проникновенного высказывания вернуться в магазин стало делом чести. Да и попробовать интересно, что она такое нахвалила. Вдруг правда стоящее.

– И еще раз здравствуйте! А это снова мы! Привезли свежее новгородское плотное? – после ужина да еще по вечерней прохладе троюга

путешественников была благодушна и готова к импульсивным покупкам. Пара за столиком продолжала бросать игральные кубики, больше в магазине никого не было.

– Вы вернулись! – искренне обрадовалась продавщица. – Да, все привезли. Какого желаете?

И уже подставляя пластиковые бутылки под краны, продолжила расспрашивать:

– Вы ведь гости города? Откуда приехали?

– Нижегородская область, Выкса.

– К сожалению, мне не доводилось слышать о таком городе. А у нас уже многое успели посмотреть? Музеи посетили? У нас прекрасные музеи.

Ланка удивлялась все больше. Ее очень заинтересовала манера общения продавщицы, четко выстроенные чистые фразы без слов-паразитов и междометий. А свои высказывания дама сопровождала плавными движениями рук, словно дирижируя внутренней мелодикой мыслей.

– Да мы четвертый раз уже тут. Были почти везде.

– А ездили ли вы в Старую Руссу? Там сейчас курорт, место отдыха. Но не это ценно. В Старой Руссе великолепный Георгиевский собор. Это так волнующе: стоять в храме и думать, что вот здесь, возможно на этом самом месте, стоял Федор Михайлович... – женщина быстро взглянула на собеседников и добавила. – Достоевский. Федор Михайлович. Он жил в Старой Руссе, вы же знаете, наверное? Он «Братьев Карамазовых» там писал, местного материала в романе много.

– Пиво убежит сейчас... – осмелилась вставить словечко Ланка. И, чтобы не показаться невежливой, добавила: – Я недавно перечитывала «Братьев Карамазовых».

– Нет, нет, не убежит, я смотрю, – мягко повела рукой продавщица. – Великое произведение! Это только так кажется, что там все легко и понятно. На самом деле писатель вводит огромное количество персонажей, и если хочешь разобраться в сюжете, бери листочек и записывай, кто кому кем приходится. Иначе не запомнишь и многого не поймешь.

Бутылки с янтарной жидкостью рядочком выстроились на стойке, но Ланку они уже не интересовали.

– В первый раз со мной такое... Чтобы в «разливашке» про Достоевского беседовать... Простите, а вы... До того, как сюда... Кстати, а как вас зовут?

– Анна Ильинична. Я преподавателем русского языка и литературы работала всю жизнь, – просто сказала женщина.

– Вот так да!

– Так сложилось... Мы с вами находимся в квартире моей мамы. Когда она умерла, мы с сыном решили сдать помещение под магазин. По неопытности вопросов не задали, а уже потом узнали, что девушка-арендатор собирается открыть тут пивной магазин. Отказывать поздно было. Она поработала полтора года и засобиралась в декрет. Все, сказала, мне больше это не интересно. И тут ковид случился. Сын говорит: «Мама, мы не сможем сдать магазин. Давай сами попробуем!»

Вот так я и стала бабушка-бармен.

За первые полгода отвадила всю маргинальную публику. Выражаться здесь никому не позволяю, вон, видите, даже объявление повесила. Сюда приходят интеллигентные люди, мы беседуем, игры настольные популярны. Да вот пример, – она указала на мужчину и женщину. Те остановили игру и прислушивались к разговору. – Мои заведдатеи даже сообщество завели там где-то... В Интернете, я не очень пони-

маю. Договариваются о встречах, общаются. Вот вчера – страшный был день, невыносимая жара! – я не смогла на работу выйти, просто без сил лежала. Так они всех оповестили, молодцы какие! Ой, ну что я разболталась... Кому это интересно, простите! – И резко сменила тему. – А вы уже ездили в Сырково? Там нужно непременно побывать, на могиле Веры Молчальницы. Сырков монастырь – обитель, где укрылась от света императрица Елизавета Алексеевна, после того как ее супруг, император Александр первый инсценировал свою смерть, ушел в Сибирь и жил там как старец Федор Кузьмич. Вы же знаете, это общеизвестный факт! У меня в Сырково знакомая женщина, она ухаживает за могилкой императрицы. Каждый день живые цветы ставит. Благодатное место! Вы приезжайте на следующий год, мы вместе съездим. Она нам храм откроет!

Ланка только удивленно смотрела на эту невероятную женщину. Свое мнение по поводу императора Александра и его таинственной кончины решила оставить за скобками. Судьба самой бабушки-бармена показалась ей гораздо занимательнее. Вот как судьба распорядилась, надо же...

Впрочем, доходило десять часов, уставшие за день ноги просили покоя, по запотевшим бутылкам стекали соблазнительные капельки. Пора было прощаться...

– Простите, я вас совсем заговорила! – смущенно улыбнулась продавщица. – Такие приятные собеседники! Приезжайте еще в наш город! Вы сами чем занимаетесь?

– Я тоже словесник, – рассмеялась молчавшая до сих пор дочка. – Как услышала про листочек, сразу поняла: мы – коллеги.

– Милая девушка! – бабушка-бармен сложила молитвенно руки. – Вы делаете великое дело! Не бросайте его! Так приятно видеть молодых педагогов, таких прекрасных, светлых!

– Я руководитель туристического центра, – отрекомендовался муж. Вынул из рюкзака карту, протянул. – Приезжайте к нам. Выкса, конечно, помладше Новгорода, но тоже есть что посмотреть.

– А я... я журналист, – сказала Ланка. – Член Союза писателей. Стихи, проза...

– Ой! – воскликнула Анна Ильинична. – Я очень рада нашему знакомству! Приезжайте, мы вам творческий вечер организуем. Можно прямо здесь! – смутилась, рассмеялась. – Или у меня дома! Приезжайте! Я вам расскажу, как моя матушка помогала могилу Рюрика найти. И в Сырково съездим...

Пиво и впрямь оказалось интересным. Хмелевая горчинка плавно перетекала в карамельное послевкусие.

– Вот только в «разливашке» я еще стихов не читала, – задумчиво сказала Ланка, разглядывая на свет свой бокал с янтарным напитком. Помолчала и добавила весело: – А почему бы и нет, в конце концов...

Ночью она проснулась с ощущением, что чего-то не хватает. Что-то изменилось. Жара ушла? Нет, не то... Грызущее ее сомнение, отравляющее отпускные дни, напитывающее тяжкой темнотой ночи, отступило, ушло, растворилось. А на его месте возник образ пожилой полноватой женщины, светло улыбавшейся из-за барной стойки.

«Да я много чего умею, – подумала Ланка. И повторила про себя фразу старого доброго друга: – А чего не умею – тому научусь».

Она уснула крепким сном человека, которого ждет светлое доброе утро хорошего нового дня.